

Э. Канетти.
Рис. Р. Шёнвальда.

Он схватил столетие за горло

В России издан Элиас Канетти

Книга лауреата Нобелевской премии 1981 года по литературе Элиаса Канетти «Масса и власть» вышла в издательстве «Ad Marginem» в переводе и с комментарием профессора Л.Г. Ионина. По нашей просьбе Леонид ИОНИН рассказывает о Канетти и его исследовании, о том, какое место уготовано этой книге в уходящем веке и в сознании будущего ее читателя.

«Масса и власть» Канетти — художественное исследование архипелага или даже целого огромного континента человеческой истории, не имея представления о котором, смею сказать, мы не можем до конца понять ни самих себя, ни мир, в котором сегодня живем.

Масштаб личности Канетти я бы сравнил с масштабом Солженицына, а мог бы назвать и Фрейда, и Хайдеггера. Но это все очень условно. Элиас Канетти абсолютно оригинален, его нельзя ни приписать к какой-то философской школе, ни подобрать точное жанровое определение «Массы и власти», его magnum opus'a.

Он писал эту книгу с конца 30-х до начала 60-х годов — в эпоху грандиозных исторических катаклизмов, когда в Европе соперничали два грозных диктатора и в движение приведены были действительно колоссальные человеческие массы, и жертвы были поистине массовые. Но вот что поразительно: в книге нет ни слова о XX веке, ни единого упоминания о Гитлере или Сталине. Хотя думал он именно об этом, и даже в дневнике записал: «Я схватил наше столетие за горло».

Почему же в томе, где перелопачено столько материала — этнографического, антропологического, исторического, психоаналитического, сказано и о государстве монголов, и об австралийских аборигенах, — не нашлось места «злобе дня»?

Дело в том, что **Масса** по Канетти — не синоним толпы и не абстрактный марксистский термин со всеми его классовыми характеристиками, но **живое существо**. О том, каковы его признаки, как оно себя ведет в разных ситуациях, куда и зачем движется, у Канетти сказано обстоятельно и систематично. Он различает «одиночные», «двойные», «двоящиеся» массы, рассматривает мировые религии, политические системы, военные конфликты как массовые процессы, вводит понятие «стаи» — первобытного состояния массы, откуда начало берут все человеческие институты. И приходит к выводу о том, что масса — величина изначальная, постоянная, неизменная. Над ней не властны ни время, ни общественный строй, ни рост населения Земли. И столь же неизменны и постоянны две другие величины — **Власть** и **Смерть**.

Именно голос Смерти, ее восприятие, памятование о ней превращает людей в Массу. И она — основной посредник во взаимоотношениях Массы и Власти. Потому что буквально каждый, даже самый невинный приказ власти — потенциальная угроза смерти, приводящая массу в смятение.

Самый, пожалуй, потрясающий вывод Канетти — что история всегда была такой. Что Гитлер и Сталин, ГУЛАГ и Освенцим — не какие-то беспримерные феномены нашего века, с которыми современная наука связывает становление массового общества. По Канетти, методология всякой власти, будь то правители древних цивилизаций или вожди африканских дикарей, — в точности та же, которую столь эффективно использовали тираны XX столетия.

«Государство — это я» — в устах властителя более чем выгодная позиция. Свойственная паранойе — этой болезни властителей — мания величия ведет к отождествлению «тела страны» с собственным телом.

Паранойе у Канетти уделено много места — и, сам того не ведая, он камнями на камне не оставляет от наших известных построений, согласно которым «загадка Сталина» разгадывается очень просто: был-де параноиком. Замечательная сказка — Бехтерев бесстрашно ставит вождю диагноз «паранойя». Но Бехтерев прекрасно знал: между этим душевным недугом и нормой поведения человека, обуреваемого жадной властью, нет сколько-нибудь отчетливой грани.

В какие бы одежды ни рядилась власть, утверждает Канетти, ее главным стремлением было и будет стремление побеждать врагов. Победить — то есть, в конечном счете, пережить их. Логическим пределом осуществления власти является причинение смерти. Уничтожение противника укрепляет власть. Чем больше жертв, тем ярче слава властителя. Для властителя даже не столь важно, чьи трупы ложатся в подножие его монумента — врагов или соратников. Понятие «выживающего» (то есть «побеждающего») — злой гений человеческой истории. Даже когда погибают друзья, пишет Канетти, боль по ним заглушается радостью от того, что ты-то — жив... Это трудно принять — ведь каждый из нас оплакивает свои утраты. Но вспомним, как оправдывались в нашей новейшей истории победы, достигнутые кровью, сколько бы ее ни пролилось. И не реквием звучал во дни годовщин этих наших побед, а бравурные, триумфальные марши...

Я прожил с этой книгой двадцать лет и живу мыслями о ней до сих пор. Потому что Элиас Канетти ошеломляет невероятной, головокружительной интеллектуальной честностью и отвагой. Выход он предлагает малоутешительный или, скажем иначе, утопический: не подчиняться приказам. Речь идет не о гражданском неповиновении или сопротивлении. Речь — о том, что человек не должен уподобляться антилопе, бегущей сломя голову, едва она слышит ленивый рык льва. Человек должен игнорировать всякий приказ как таковой. Канетти не отвечает нам, к чему это приведет человечество, массу. Он обращается не к массам — а к конкретному человеку.

Книга эта могла появиться в России еще при жизни автора. В 93-м году я связался с Элиасом Канетти, испрашивая согласия на перевод и публикацию — и получил отказ, без комментариев. Меня это потрясло до глубины души: «Как же так! Неужто он не понимает, с каким интересом книгу прочтут в стране, о которой, можно сказать, она написана?» Потом, когда Канетти умер и согласие на русское издание было все-таки получено, я натолкнулся в тексте на одно место, звучавшее как привет от него. Анализируя нашумевшую в начале века книжку «Памятные записки душевнобольного», Канетти говорит о ее авторе: «Он — не писатель. Поэтому путешествовать по закоулкам его сумеречного сознания мы можем без опаски». То есть Канетти был, возможно, одним из последних авторов, кто всерьез относился к тому, что писал. Он верил, что книга может быть опасна. Что она может внушить людям то, чему они не могут противостоять. Слово — это тоже власть.

Думаю, Канетти опасался, что его книга в России дойдет до тех умов, которые воспримут ее не как предостережение, но как руководство к действию. Однако опасения были напрасны. В России властители таких книг не читают.

Записал
Михаил ПОЗДНЯЕВ